

Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны

Статья посвящена малоизвестной теме, связанной с массовой амнистией сотрудников НКВД, наказанных в ходе «Большого террора» и в последующие годы. Основная часть осуждённых чекистов смогла в 1941—1942 гг. не только освободиться из заключения, но и получить государственные награды как за участие во фронтовых боевых действиях, так и за руководство диверсионными группами, действовавшими в тылу противника. Исследование опирается на многочисленные документы спецслужб и содержит большой объём нового материала о кадрах советской госбезопасности.

В истории постоянных чисток личного состава советской политической полиции, имевших место с первых лет существования органов ВЧК, осуждение нескольких тысяч оперативных сотрудников НКВД — активных участников «Большого террора» — являлось беспрецедентным событием. С октября 1936 г. по середину августа 1938 г. было арестовано 2 273 сотрудника ГУГБ, в т. ч. 1 862 — за «контрреволюционные преступления». При этом численность сотрудников ГУГБ НКВД СССР на март 1937 г. составляла около 25 тыс. чел. **1** В 1939—1940 гг. были репрессированы ещё сотни чекистов. Но эти репрессии были нетипичным явлением для отношения партии к своему «передовому вооружённому отряду».

Снисходительный подход к уголовным преступлениям, совершённым «своими» в борьбе с «врагами народа», был характерен для советской власти. Так, в 1920-е гг. в отношении так называемых красных бандитов (сотрудников милиции, ЧК-ГПУ, красных партизан, членов деревенских коммунистических ячеек), практиковавших бессудные расправы и массовые убийства своих политических противников, применялись формально строжайшие наказания вплоть до вынесения смертного приговора, но в итоге уголовные дела почти всегда заканчивались помилованием и досрочным освобождением **2**. Чекисты считались образцами политической лояльности, поэтому репрессии в отношении этой кастовой группы советского аппарата всегда были наименее жестокими, за исключением конца 1930-х гг. Для крайне криминализированных органов ОГПУ-НКВД фигура чекиста, осуждённого за тяжкие преступления и затем не только досрочно освобождённого, но и возвращённого в органы госбезопасности, стала привычной уже с начала 1930-х гг., когда на службу в систему ГУЛАГа в массовом порядке стали направлять проштрафившихся сотрудников **3**.

Начавшаяся война предоставляла чекистам-уголовникам, избежавшим расстрела в 1938—1941 гг., значительно более широкие возможности для реабилитации, чем лагерная система. Интенсивное формирование особых отделов НКВД при воинских частях требовало тысяч новых сотрудников. С точки зрения И.В. Сталина и Л.П. Берии, опытные чекисты, «перестаравшиеся» в годы террора, должны были быть возвращены в систему госбезопасности для её пополнения и укрепления. Своеобразным ответом на беспрецедентную чистку конца 30-х годов явилась столь же небывало широкая амнистия, осуществлённая в отношении бывших работников госбезопасности в несколько этапов: преимущественно с конца 1941 г. до конца 1942 г. Данная правовая коллизия существенно повлияла на состав фронтовых чекистских органов. На службу в особые отделы в большом количестве пришли люди, стремившиеся окончательно реабилитироваться в глазах власти, применяя привычный опыт фальсификации крупномасштабных дел и получения

от обвиняемых требуемых показаний любыми методами. В этой связи особое значение приобретает вопрос о роли и месте амнистированных чекистов как в событиях Большого террора, так и в контрразведывательной и разведывательно-диверсионной деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны.

Осуждённых работников НКВД освобождали специальными решениями высшего руководства — указами Президиума Верховного Совета СССР. Но есть основания полагать, что в начале войны часть отбывавших сроки чекистов освобождали и в «рабочем порядке». Уже в июле 1941 г. был освобождён и вскоре отправлен на фронт в особый отдел бывший начальник контрразведывательного отдела (КРО) УНКВД по Новосибирской области Ф.Н. Иванов, истребивший тысячи людей (о нём будет рассказано ниже). Осуждённый в мае 1941 г. на 5 лет ИТЛ бывший начальник отдела кадров УНКВД по Алтайскому краю А.Т. Степанов, который в конце 1937 г. только по одному делу составил справки на арест 84 рабочих и служащих предприятий Барнаула, из которых 55 были расстреляны, уже в августе 1941 г. оказался амнистирован и направлен в РККА, где служил до 1943 г. на командных должностях и был демобилизован по состоянию здоровья **4**.

Чекист О.С. Флейшман, работавший в 1937—1938 гг. начальником Сквирского РО УНКВД по Киевской области, арестованный в феврале 1940 г. и осуждённый за нарушения законности на 8 лет заключения, в августе 1941 г. оказался освобождён и направлен в РККА. Сотрудник оперчасти 28-го Ойротского погранотряда войск НКВД (Алтайский край) Г. Г. Гафаров в 1938 г. сфабриковал (вместе с двумя оперативниками, позже осуждёнными) два дела на 28 чел., которые впоследствии были освобождены. Военным трибуналом войск НКВД Западно-Сибирского округа в мае 1941 г. Гафаров был осуждён на 5 лет ИТЛ, а в октябре 1941 г. выпущен на свободу с отправкой на фронт (позднее демобилизован после ранения) **5**.

При этом часть амнистированных избежала фронта, получив назначение в тыловые подразделения НКВД. Например, бывший помощник начальника УНКВД по Алтайскому краю Г. Л. Биримбаум, подлежавший за нарушения законности расстрелу по ст. 58–7-11 УК согласно «сталинскому» списку от 6 сентября 1940 г. и осуждённый в мае 1941 г. на 10 лет лагерей, был вскоре возвращён в НКВД и на декабрь 1941 г. работал начальником УИТЛК УНКВД по Иркутской области **6**.

Освобождения чекистов из заключения указами Президиума ВС СССР, с последующей отправкой как в разведывательно-диверсионные группы, так и в штрафные роты происходили, судя по всему, в два основных потока: в конце 1941 г. и в конце 1942 г. Известно, что в декабре 1941 г. Л.П. Берия обратился к Сталину с просьбой в связи с нехваткой кадров на фронтах освободить из заключения 1 610 сотрудников, отбывавших наказание главным образом за нарушения законности **7**. Осенью 1942 г. из лагерей и тюрем выпустили ещё одну большую группу бывших работников НКВД, а отдельные освобождения предпринимались до 1945 г. включительно. Таким образом можно предположить, что всего в годы войны было амнистировано не менее 2–3 тыс. чекистов.

Практика замены заключения отправкой на фронт была распространена в войну широко (из ГУЛАГа на фронт было направлено более миллиона осуждённых) и затрагивала чекистов в полной мере, при этом тяжесть их преступлений фактически не играла серьёзной роли. Часть чекистов была освобождена без специальных постановлений, вероятно, под влиянием амнистий 1941–1942 гг. Эти лица получили свободу «за высокие производственные показатели» либо в связи с просьбами отправить на фронт и пр. Так, начальник УНКВД по Тамбовской области М.И.

Малыгин был арестован в декабре 1938 г. за необоснованные репрессии и приговорён к расстрелу, но в январе 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР заменил ему высшую меру на 10 лет заключения. «За высокие производственные показатели во время нахождения в заключении и отличное поведение в быту» Особым совещанием при НКВД СССР в октябре 1942 г. срок заключения Малыгину был снижен до 3 лет, а 26 марта 1943 г. его освободили совсем и отправили на фронт, где уже в декабре 1943 г. бывший чекист был признан негодным к службе и демобилизован по болезни **8**.

Одним из наиболее беспощадных среди амнистированных был Л.Т. Якушев (Бабкин). Работая с октября 1937 г. по февраль 1938 г. начальником УНКВД по Житомирской области и получив за усердие орден Красной Звезды, он «лично принимал участие в избииении заключённых, приговорённых к ВМН, в сожжении 11 заключённых. По его приказу заключённые сами копали себе могилы. 200–250 связанных заключённых ставили в очередь и расстреливали на глазах других заключённых». Также Якушев санкционировал конфискацию у арестантов ценных вещей и хорошей одежды без составления квитанций; по его приказу сотрудники «занимались вытаскиванием кирками и клещами золотых зубов изо рта трупов расстрелянных» **9**.

Затем капитан госбезопасности Якушев возглавлял НКВД по Крымской АССР и за нарушения законности в 1939 г. был осуждён на 20 лет лагерей, в т. ч. за то, что непосредственно руководил расстрелом (в котором принимал личное участие) 553 чел., осуждённых тройкой и казнённых — с целью замести следы — уже после запрета приводить в исполнение приговоры троек. Всего по спискам, оформленным и подписанным задним числом с 20 по 29 ноября 1938 г., крымские чекисты расстреляли 822 чел. В октябре 1941 г. Якушев был амнистирован Президиумом Верховного Совета СССР и сразу направлен в НКВД. В 1942—1944 гг. он участвовал в разведгруппах партизанских отрядов в Смоленской и Витебской областях, выслужил чин полковника, партийный билет и орден Ленина, а с 1945 г. подвизался на ответственной хозяйственной работе. Правда, в 1960 г. Якушева исключили из партии; умер он в Москве в 1986 г. **10**.

Чекисты менее высокого уровня также имели на своём счету тысячи жертв. Заместитель начальника КРО УНКВД по Иркутской области Б.П. Кульвец в 1937—1938 гг. арестовал до 4 тыс. чел. Сначала Кульвец за фабрикацию дел и пытки был осуждён к расстрелу, но в мае 1941 г. казнь заменили 10 годами лагерей. В жалобе Берии он писал: «...Работал я честно, не жалеючи себя, получил туберкулёз, не гнушался никакой работой, вплоть до того, что по приговорам из Иркутска сам же приводил их в исполнение и в непригодных районных условиях приходилось таскать [трупы] на себе, я приходил с операции, обмазанный кровью, но моё моральное угнетение я поднимал тем, что делал нужное и полезное дело Родине». В 1944 г. Кульвеца амнистировали **11**.

Помощник начальника КРО УНКВД по Ленинградской области Б.И. Устинов в ночь на 4 марта 1938 г. спрятал под шоссевым мостом в районе Луги 47 толовых шашек и бикфордов шнур (добившись предварительно показаний о подготовленном «теракте» от арестованного К.И. Веткина), после чего инсценировал обнаружение взрывчатки и организовал массовые аресты «террористов». В июле 1940 г. он был осуждён на 6 лет, освобождён в мае 1942 г. Замначальника СПО УНКВД по Ленинградской области Н.С. Драницын в конце 1938 г. был арестован и за нарушения законности осуждён на 8 лет. В 1942 г. освобождён и в октябре 1943 г. направлен в армию, где был ранен и затем демобилизован **12**.

Капитан госбезопасности Г. Я. Врачёв, работавший в 1938 г. начальником секретно-политического отдела (СПО) УНКВД по Читинской области, был осуждён Военной коллегией Верховсуда СССР 15 ноября 1939 г. на 10 лет ИТЛ за массовые аресты, фальсификацию следственных дел и личное участие в избиении арестованных. Постановлением Президиума ВС СССР от 1 декабря 1942 г. приговор был отсрочен до окончания войны, Врачёв в январе 1943 г. освобождён и отправлен в штрафную роту на Карельский фронт. Участвуя в боях, он получил три благодарности и три медали, прослужив до конца войны **13**.

Помимо упоминавшегося Ф.Н. Иванова, был также амнистирован целый ряд оперработников Новосибирской области. Помощник начальника отделения СПО управления НКВД С.С. Корпулев активно участвовал в чекистских провокациях, играя роль заговорщика в создаваемых «шпионских» делах. В 1937 г. участвовал в фабрикации дела эсеров, а также дела «ТКП» на 70 чел., из которых 55 были расстреляны. Арестованный летом 1938 г. за служебные преступления, Корпулев получил 5 лет лагерей, но был помилован 9 декабря 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР **14**. Оперативник А.И. Савкин исполнял обязанности начальника СПО Ленинск-Кузнецкого ГО УНКВД по Новосибирской области и, вспоминая свою работу, говорил, что от переутомления допросы «был в таком состоянии, что своей жене не верил, что она советский человек». За фабрикацию дел был отдан под суд, где прямо заявил: «Я знал только одну статью — 58 — и под эту статью подводил все преступления». В феврале 1939 г. Савкин был осуждён на 10 лет ИТЛ. Позднее он добился досрочного освобождения и отправки на фронт, где в июле 1943 г. с него сняли судимость **15**.

Оперработник Мариинского РО УНКВД по Новосибирской области И.П. Шахов в 1938 г. за разглашение секретных сведений и фабрикацию подписей арестованных был осуждён на 5 лет ИТЛ; в 1941 г. — освобождён и отправлен на фронт. Амнистия коснулась и Г. К. Бекшаева, с февраля 1941 г. работавшего начальником Ахпунского лаготделения Сиблага НКВД. За допущение смерти от голода 423 заключённых и доведение до крайнего истощения ещё 3.300 человек Бекшаев 13 декабря 1941 г. был арестован и осуждён в апреле 1942 г. на 3 года ИТЛ. В 1943 г. его освободили «по болезни» и направили на фронт **16**.

Судьбы амнистированных чекистов складывались по-разному. Часть из них попала в строевые части и не занималась чекистской работой. Не удостоились чести быть зачисленными в особистский штат, помимо упоминавшихся выше начальника Тамбовского УНКВД М.И. Малыгина и читинца Г. Я. Врачёва, такие видные чекисты, как Л.И. Ривлин (заместитель наркома внутренних дел Молдавии в 1937—1938 гг.), А.А. Соколов (начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Северо-Кавказского военного округа), В.Г. Болотин (замначальника КРО УНКВД по Ленинградской области), которые смогли попасть только на передовую, как правило, в штрафные роты, и, получив затем ранения, добиться снятия судимости, но не права вернуться в «органы» **17**.

Однако часть чекистов, у которых нашлись высокопоставленные знакомые и покровители, после освобождения из заключения попала в элитный состав так называемой Особой группы НКВД (позднее преобразована в 4-е управление НКВД) под начальством П.А. Судоплатова. Главный диверсант НКВД-НКГБ-МГБ генерал-лейтенант Судоплатов выполнял самые специфические задания: в 1938 г. лично подорвал миной, замаскированной под конфетную коробку, лидера ОУН Е. Коновальца, после войны курировал тайные убийства «врагов народа» инъекциями кураре. Вместе со своим помощником Н.И. Эйтингоном (организатором убийства Льва Троцкого) он требовал от спецлаборатории НКВД новых ядов, обязательно проверенных на людях. Окружение Судоплатова было под стать своему начальнику. Одним из заместителей его в Особой

группе НКВД был В.А. Какучая, в 1939—1941 гг. наркомвнудел Абхазии и Грузии. Пробыв в помощниках Судоплатова около полутора лет, он был возвращён к борьбе с внутренним врагом, возглавив НКГБ-МГБ Северной Осетии. Там в 1944 г. с ведома Какучая был арестован гражданин Басиев, которого убил на допросе следователь Ханушян; после этого Какучая и Ханушян сфабриковали дело на Басиева и составили фиктивный акт о его естественной смерти. В 1953 г. генерал-майор Какучая был арестован, обвинён в причастности к незаконному аресту в Северной Осетии 321 чел., отсидел отмеренные 15 лет и весной 1982 г. умер в Москве **18**.

Сотрудники Особой группы занимались работой во вражеском тылу, направляя диверсионно-террористическую работу против оккупантов и их пособников, а также осуществляя в специальных боевых группах и партизанских отрядах разведку и контрразведку. Судоплатов в своих мемуарах, очень далёких от объективности, приписывал инициативу освобождения репрессированных чекистов лично себе. Доказательств этому нет, тем более что Судоплатов в своих воспоминаниях сделал упор на освобождение бывших разведчиков, вроде легендарного нелегала Я.И. Серебрянского. Но на деле амнистированы были в подавляющем большинстве специалисты в области политического сыска. В составе Особой группы НКВД СССР также абсолютно преобладали не кадровые разведчики, а работники контрразведывательных, особых, транспортных и секретно-политических отделов, включая бывшего руководителя НКВД Крымской АССР Л.Т. Якушева (Бабкина). Лица, причастные к разведке и не попавшие в число благонадёжных, амнистии не подлежали — просьбы отправить на фронт не помогли ни легендарному вербовщику ценнейшей агентуры за рубежом Д.А. Быстролётову, ни менее известным, но заслуженным резидентам Иностранного отдела НКВД А.О. Эйнгорну и И.И. Боровому **19**.

В судоплатовском отделе сложилась даже целая «сибирская» группа из амнистированных. Часть из них прошла через знаменитый отряд Д.Н. Медведева, который на деле был настоящим «отстойником» для чекистов-уголовников. Овеянный в литературе легендами партизанский командир Медведев начинал свою карьеру ещё в Донецкой и Одесской губчека, был старательным учеником беспощадного карьериста Л.М. Заковского и впоследствии, особенно в первой половине 1930-х гг., активно участвовал на Украине в фабрикации расстрельных дел на десятки и сотни «заговорщиков» **20**. В известной книге Медведева «Сильные духом» есть также строки, посвящённые «героическим ребятам» из его отряда вроде «Кости Пастаногова».

Между тем К.К. Пастаногов был одним из главных организаторов террора в Новосибирской области. Из-за обилия судимых родственников и обвинений в том, что он в 1930 г. якобы отказался расстреливать своего дядю, этот чекист старался особенно и был на отличном счету. Осенью 1937 г. Пастаногов возглавил аппарат секретно-политического отдела УНКВД по Новосибирской области — около 30 оперативников (не считая отделений в городах и уполномоченных в районах), которые занимались выявлением «антисоветских элементов». Он пользовался особым доверием у начальства и когда начальник управления И.А. Мальцев отсутствовал, не раз исполнял его обязанности **21**.

Одним из сравнительно невинных изобретений Пастаногова был так называемый «хоровод»: арестанта сажали на стул с острыми железками и целыми часами толпой ходили вокруг него, изрыгая угрозы и нецензурную брань: «...Мы тебя заставим писать, нас больше, видишь, мученик, контрик!..» Облпрокурора И.И. Баркова в отделе Пастаногова допрашивали, не давая спать и держа на ногах, целый месяц, после чего тот покончил жизнь самоубийством, выбросившись с четвёртого этажа здания УНКВД. Во время служебной поездки в Нарымский округ Пастаногов дал указание, в частности, арестовать более половины всей парторганизации округа; его

командировка в Кузбасс также способствовало резкому усилению репрессий. В конце 1939 г. Пастаногова арестовали и осудили на 8 лет, но по приказу начальника УНКВД использовали с учётом профессии — старостой лагерного пункта в Новосибирске. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 9 декабря 1941 г. он был освобождён со снятием судимости. Во вражеском тылу Пастаногов пробыл с апреля по июнь 1942 г., получил ранение в руку и орден Красной Звезды, а затем вернулся в Новосибирск и возглавил отделение лагерей и колоний. В 1946 г. чекиста обвинили в новых нарушениях законности и отправили во Владивосток. Но и там он проявил прежние свои замашки, за что в конце концов как неисправимый был убран с оперативной работы и переведён в Севкузбаслаг МВД. За доносы, компрометирующие начальство, в 1954 г. Пастаногова исключили из партии, после чего он уехал в Красноярский край **22**.

Работник КРО УНКВД по Западно-Сибирскому краю А.Г. Луньков был тем самым чекистом, который обвинял «Костю Пастаногова» в уклонении от расстрела дяди и в своих доносах подчёркивал, что приговор в отношении Пастаногова-старшего в исполнение «приводил лично я». Осенью 1937 г. он был направлен на службу в Куйбышевский оперсектор УНКВД НСО, где в течение года из примерно 2 000 уничтоженных было удушено верёвкой до 600 осуждённых. Трибуналу чекисты в 1940 г. не очень внятно объясняли, что душить приходилось из-за неподходящих условий для расстрелов, но зато дело поставили так образцово, что на каждого приговорённого, набрасываясь душить впятером, тратили не больше минуты. От расстрела по этому делу Лунькова спасли перевод в Кузбасс, быстрый арест и осуждение на открытом процессе по другим обвинениям.

С февраля 1938 г. Луньков руководил Ленинск-Кузнецким горотделом НКВД, где сфабриковал знаменитое «детское дело» на хулиганов-подростков из репрессированных семей, посадив и обвинив в контрреволюции около 15 несовершеннолетних (среди них были и 12-летние), а также собрав материалы на арест ещё 160 школьников. За то, что некоторые дети провели под стражей до восьми месяцев, он вместе с А.И. Белоусовым и А.И. Савкиным попал в тюрьму и 22 февраля 1939 г. был осуждён военным трибуналом СибВО на 7 лет лагерей. Материалы этого дела были опубликованы в трёх номерах газеты «Советская Сибирь». По ходатайству союзного НКВД в декабре 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР Луньков был «срочно» освобождён со снятием судимости и в январе 1942 г. отправлен на фронт.

Попал Луньков к знаменитому разведчику-партизану С.А. Ваупшасову, в отряде которого «Местные» стал начальником штаба под фамилией Лось. Ваупшасов за 1942 г. организовал 10 крупных партизанских отрядов, за что подобающим образом были награждены и он сам, и его начштаба. В сентябре 1943 г. Луньков получил орден Отечественной войны 2-й степени. На 1944 г. Луньков работал в Томске и с чекистской работы был переведён на партийную, получив в 1949 г. пост заведующего отделом планово-финансово-торговых органов Томского горкома ВКП (б). В книге, изданной Новосибирским УФСБ к своему юбилею в 2002 г., опубликован парадный портрет А.Г. Лунькова — как видного чекиста-партизана **23**.

Ещё один начальник Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД — И.Ф. Золотарь — начинал чекистскую карьеру на Кубани, в 1934 г. лично расстреливал осуждённых алтайских немцев в г. Славгороде, а пик его деятельности пришёлся на службу в Кузбассе. Шесть коммунистов в 1938 г. тайком переправили в Новосибирский обком ВКП (б) записку, где утверждали, что Золотарь «...фиктивно создал в Ленинске троцкистскую организацию и с применением к нам издевательств и пыток заставил нас подписать ложные протоколы допроса, в которых записаны как участники этой

контрреволюционной организации почти весь актив города...» Его подчинённый А.И. Савкин показывал на следствии, что Золотарь проявлял «особую жестокость» не только к арестованным, но и к самим чекистам горотдела **24**.

Уже к 4 октября 1937 г. из арестованных в Ленинске-Кузнецком и его окрестностях было осуждено тройкой к расстрелу 369 чел. Часть жертв чекисты даже не удосужились захоронить. Бывший начальник УНКВД по Новосибирской области Г. Ф. Горбач на следствии в конце 1938 г. показал, что в Ленинске-Кузнецком «приговора в исполнение были приведены в таком месте и так, что на второй день какой-то человек натолкнулся на место, где был обнаружен труп». Возможно, именно с этим казусом и было связано скорое наказание Золотаря, обвинявшегося в многочисленных преступлениях: незаконный арест двух милиционеров; конвоирование арестованных в баню днём по городу в открытых машинах, из-за чего на улицах собирались толпы родственников; избивание сотрудников горотдела и работников телефонной станции; интимные связи с подчинёнными сотрудницами; присвоение ружья «Зауэр» и хранение дома 1 000 патронов от нагана. 15 февраля 1938 г. его арестовали и в октябре осудили на 5 лет лагерей **25**.

Отсидев почти четыре года, Золотарь 13 января 1942 г. был досрочно освобождён со снятием судимости по «особому ходатайству НКВД СССР» и попал в судоплатовскую группу. В апреле 1943 г. во главе опергруппы 2-го отдела 4-го управления НКГБ СССР из 10 чел. он был выброшен с самолёта в Борисовский район Минской области и участвовал в охоте на гауляйтера Белоруссии Кубе, а в 1944 г. успешно воевал, возглавляя крупный партизанский отряд на юге Польши. Награждённый орденом Ленина, с 1944 г. он работал в НКГБ-МГБ СССР, а три года спустя был уволен по состоянию здоровья и поселился в Москве **26**. В 1955 и 1973 гг. Золотарь выпустил книги мемуаров «Записки десантника» и «Друзья познаются в беде», в 1963 г. выступил одним из составителей сборника партизанских мемуаров «Ярость благородная», а в 1985 г. напечатался в минском сборнике «Высокий долг».

Амнистия коснулась и двух крупных чекистов из УНКВД Алтайского края — П.Р. Перминова и И.Я. Юркина, которые были в мае 1941 г. приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР в Москве к расстрелу за многочисленные преступления. Первоначально суд оказался суровее самого Сталина, который в сентябре 1940 г. своей подписью скрепил большой список на арестованных работников НКВД — Юркин в этом списке значился среди подлежащих тюремному заключению.

Перминов на Алтае в 1937—1938 гг. возглавлял аппарат СПО УНКВД, Юркин был его заместителем. Оба активно участвовали в арестах и следствии по делам значительной части из примерно 30 тыс. арестованных тогда в Алтайском крае «врагов народа», применяя изощрённые пытки и издевательства. Например, только по делу «эсеровских повстанцев» в г. Рубцовске и окрестных районах они арестовали 810 чел., из которых 294 были казнены. По другому делу расстреляли 200 немцев. По делу барнаульских учителей уничтожили 22 чел. (из 31 осуждённого), по делу врачей — примерно столько же и заняли потом их квартиры. Почти год Юркин и Перминов ждали исполнения приговора, вероятно, не зная, что зампреда Верховного Суда СССР В.В. Ульрих в день начала войны «в силу открывшихся при проверке новых обстоятельств» опротестовал приговор и отправил его на новое рассмотрение.

В конце концов Юркина с Перминовым перевели в Новосибирск, где 18 апреля 1942 г. военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа, постановив, что эти чекисты-начальники нарушали законность неумышленно, заменил им ВМН на 8 и 10 лет заключения условно с отправлением на фронт. Уже в мае 1942 г. Юркин попал в Отдельную мотострелковую бригаду

особого назначения (ОМСБОН), а с сентября 1942 г. по март 1943 г. командовал спецгруппой в тылу. Действовал он в составе партизанской армии С.А. Ковпака: был командиром отряда «Утёс» (с декабря 1943 г.), потом — начальником особого отдела 1-й Украинской дивизии им. Ковпака. Получив звание майора госбезопасности, Юркин был восстановлен в членах компартии и награждён рядом орденов, в том числе польским «Золотым крестом». В 1973 г. он выпустил книгу мемуаров «У нас особое задание» **27**.

Что касается П.Р. Перминова, то он воевал в партизанском отряде «Олимп» (до 700 чел., командир — В.А. Карасёв); с декабря 1942 г. командовал разведгруппой, с которой прошёл более 2 тыс. км по тылам врага, а в августе 1943 г. организовал разведывательный рейд в Киев. Воюя в Польше, он был заместителем по разведке в отряде своего сибирского знакомого И.Ф. Золотаря. Согласно справке НКГБ СССР, Перминов лично выявил до 200 «немецких шпионов-предателей» и участников националистических формирований. Был дважды ранен и контужен, лечился; в сентябре 1944 г. в качестве заместителя начальника опергруппы НКГБ СССР вторично заброшен в тыл (к чехословацким партизанам), где вёл диверсионно-разведывательную работу **28**. Перминов удостоился правительственных наград, обосновался в Москве и прожил долгую жизнь.

Ещё один «алтаец» — С.К. Автухов, активный участник репрессий, начальник Змеиногорского и Бийского горотделов НКВД. Арестованный 21 мая 1941 г. за растраты, он был осуждён на 8 лет, но освобождён 6 октября 1942 г. С июня 1943 г. по июль 1944 г. этот чекист был заместителем руководителя по оперработе спецгруппы НКГБ СССР, действовавшей в Белоруссии. По информации наркома НКГБ БССР Л.Ф. Цанавы, с участием Автухова было пущено под откос 125 эшелонов и три бронепоезда противника, уничтожено 78 мостов, убито и ранено свыше 2 000 солдат и офицеров, выявлено 229 агентов гестапо и 1 230 предателей и изменников, разоблачено и уничтожено 24 немецких агента и 63 немецких ставленника. В итоге Автухова наградили орденом Отечественной войны 2-й степени и взяли на работу в НКГБ Белоруссии **29**.

В рядах 4-го управления НКВД-НКГБ работал и бывший начальник Шербакульского райотдела УНКВД по Омской области И.С. Рупасов, который в декабре 1939 г. был осуждён военным трибуналом войск НКВД Омской области на четыре года заключения за нарушения законности и извращение методов ведения следствия. Он был 12 января 1942 г. досрочно освобождён со снятием судимости и направлен на фронт бойцом авиагруппы особого назначения. Год спустя Омский обком ВКП (б) восстановил Рупасова в членах партии **30**.

Наряду с амнистированными «сибиряками» штаты 4-го управления пополнялись чекистами-арестантами из всех регионов страны. Видный украинский чекист, с 1938 г. подвизавшийся в аппарате НКВД СССР, А.Г. Мирошниченко был арестован в марте 1941 г., но уже через полгода освобождён и работал затем в 4-м управлении НКВД СССР, быстро дослужившись до подполковника. А.И. Беляев работал начальником КРО УНКВД по Тульской области, за допущенные в 1938 г. многочисленные нарушения законности был арестован и осуждён 23 декабря 1939 г. военным трибуналом на 6 лет лагерей. Освобождён 21 октября 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР и направлен в НКГБ. Воевал в тылу противника, до 1945 г. «находился на оперативной работе по спецзаданиям» НКГБ СССР **31**.

Видный чекист Л.А. Агабеков занимал должность начальника СПО ГУГБ НКВД Узбекистана. За участие в терроре он получил орден Красной Звезды, стал депутатом Верховного Совета Узбекской ССР, а 21 января 1939 г. был арестован как участник антисоветской заговорщицкой организации, по заданию которой он якобы фальсифицировал следственные дела и производил необоснованные аресты. Вину не признал и был осуждён Особым совещанием при НКВД СССР

2 июля 1940 г. на 5 лет лагерей. Агабеков освобождены в октябре 1942 г. в связи с просьбой отправить на фронт, он прошёл в НКВД «соответствующую подготовку» и в 1943 г. был выброшен с парашютом в глубокий тыл противника в качестве начальника опергруппы НКГБ. Заместитель наркома госбезопасности Б.З. Кобулов в 1945 г. отмечал, что опергруппа Агабекова «проделала серьёзную работу по вскрытию деятельности ряда антисоветских польских и белорусских подпольных организаций, которые вели активную работу против Советского государства», добыв также важные военные данные и пустив под откос 10 эшелонов с живой силой и техникой. В итоге Особое совещание НКВД сначала снизило ему срок до отбытого, а в августе 1944 г. сняло судимость. Агабекова наградили орденом Красного Знамени, восстановили в партии и на 1945 г. он служил в НКГБ **32**.

В мае 1940 г. бывший заместитель начальника 2-го отдела ЭКУ УНКВД по Ленинградской области старший лейтенант ГБ В.В. Рыкин был осуждён военным трибуналом на 8 лет заключения. Будучи амнистирован 9 декабря 1941 г., он в 1942—1944 гг. был заместителем начальника опергруппы НКВД БССР в тылу врага, за что получил орден Красной Звезды, а позднее — ещё два ордена. Возглавляя контрразведывательный отдел УМГБ по Горьковской области, Рыкин в 1952 г. был исключён из партии обкомом «за санкцию на провокационное опермероприятие» и в январе 1953 г. уволен из «органов». Покинув МГБ и имея 45 лет от роду, он заочно учился на истфаке Ленинградского пединститута им. Герцена **33**.

Заместитель начальника отдела УГБ УНКВД по Мурманской области П.В. Терехов в июле 1939 г. был исключён обкомом ВКП (б) из партии за «грубейшее извращение методов следственной работы», арестован и осуждён в марте 1941 на 10 лет ИТЛ. Освобождён в декабре 1941 г. и направлен к партизанам. Два с половиной года находился в тылу врага, будучи заместителем командиров партизанских отрядов в Карелии и Крыму (забрасывался в тыл трижды), за что награждён орденом Отечественной войны 2-й степени. В 1945 г. продолжал служить в отряде особого назначения НКГБ СССР.

Отметим рядового участника террора С.М. Буторова, бывшего начальника Сухиничского райотдела УНКВД по Смоленской области, который в июне 1939 г. был арестован за фальсификацию 38 свидетельских показаний о контрреволюционных преступлениях по 19 следственным делам. Получил 8 лет заключения, в лагере характеризовался положительно, освобождён 16 октября 1941 г. В феврале — октябре 1942 г. работал начальником разведки отряда особого назначения, «провёл большую работу по разоблачению немецких агентов, засылавшихся в отряд, принимал личное участие в боевых операциях отряда. В декабре 1943 г. Буторов был вторично послан в тыл противника для выполнения специального задания, находился в тылу врага до 28.7.1944 г.»; награждён орденом Красной Звезды **34**.

Сравнительно небольшая часть чекистов попадала в разведывательно-диверсионные группы через штрафные подразделения. Оперуполномоченному Водного отдела УНКВД по Ленинградской области Я.С. Меклеру, арестованному в феврале 1939 г. и осуждённому в январе 1941 г. на 10 лет лагерей за участие в пытках и фабрикацию расстрельных дел, пришлось пройти через штрафную роту на Ленинградском фронте. Он был освобождён из заключения только в феврале 1943 г., пробыл штрафником до мая, а затем оказался заброшен в тыл противника со спецзаданием. Вскоре Меклер заработал орден Красной Звезды, снятие судимости и зачисление на службу в НКГБ **35**.

Некоторые видные чекисты довольно быстро смогли после освобождения не только вернуться на оперативную работу в НКВД, но и восстановить свои былые звания, продвинуться по службе.

Капитан госбезопасности Н.Ф. Орлов, будучи в 1938 г. начальником Минусинского оперсектора УНКВД по Красноярскому краю, фальсифицировал дела и применял недозволенные методы ведения следствия. В 1941 г. военным трибуналом НКВД ЗСО был осуждён за нарушения законности, затем амнистирован и уже в феврале 1943 г. получил звание подполковника госбезопасности **36**.

Одним из чемпионов чекистского ремесла среди коллег был уже упоминавшийся Ф.Н. Иванов, который с осени 1937 по январь 1941 г. возглавлял КРО УНКВД по Новосибирской области. Ввёл в обращение нестандартные орудия пыток — массивные старинные альбомы, железные линейки, лично избивал заключённых, причём отнюдь не только в 1937 г.: тремя годами позднее, давая свидетельские показания на процессе по делу работников Мошковского райотдела НКВД, заявил, что «лично бил морды обвиняемым раньше и бьёт он им и сейчас» **37**.

Ф.Н. Иванов напрямую повинен в уничтожении значительной части прибалтов, немцев, китайцев и поляков, живших в Сибири. С 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. в ходе «линейных» операций в «альбомном порядке» и особыми тройками в Новосибирской области было осуждено 7.444 поляка, из них 7.012 — к расстрелу. В 1937 — начале 1938 гг. было репрессировано 2.645 немцев, в том числе 2.548 — расстреляно. Арестованных «японских шпионов» из числа работников КВЖД, а также китайцев и корейцев только к началу декабря 1937 г. числилось 1.846 чел **38**. Также были уничтожены тысячи латышей и эстонцев. Только к середине марта 1938 г. по «национальным операциям», которые проводил аппарат КРО, в Новосибирской области было осуждено до 10 тыс. чел., причём подавляющее большинство — к высшей мере наказания. По делу «повстанческой организации» Русского общевоинского союза (РОВС), которое также «вёл» в основном КРО, было осуждено с июля 1937 г по март 1938 г. 24,4 тыс. чел., в том числе 21,1 тыс. — к расстрелу **39** (включая территорию Алтайского края, выделенного из Запсибкрая в октябре 1937 г.). Таким образом, аппарат КРО в 1937—1938 гг. уничтожил в Новосибирской области, включавшей тогда современные Кемеровскую и Томскую, до 30 тыс. чел.

Иванова арестовали в апреле 1941 г, но уже в июле освободили — «по мотивам нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности в условиях военного времени» — и отправили по указанию замнаркома внутренних дел Б.П. Обручникова на фронт, где поручили особый отдел НКВД 22-й танковой бригады. Отличившись под Москвой (за короткое время «лично выявил 25 шпионов, изменников и дезертиров» **40**), он был возвращён в тыл. В 1942—1946 гг. Иванов руководил особым отделом и «Смершем» Томского гарнизона, активно фабрикуя дела на военнослужащих. В июне 1943 г. по обвинению в шпионаже он арестовал 4-х курсантов, от которых около двух месяцев вымогал признания в шпионаже. В марте 1944 г. фронтовик-коммунист курсант Прокофьев по приказу Иванова был заманён на конспиративную квартиру, где «смершевец», представившись «агентом немецкой разведки, понудил Прокофьева под угрозой оружия взять 500 рублей денег, написать под диктовку необходимые данные и после этого отобрал у него подписку». Прокофьев доложил о провокации начальству, но по приказу Иванова был сразу же арестован. В результате «незаконных методов допроса» курсант подписал признания о работе на немцев, но окружной отдел контрразведки прекратил дело.

За подобные «извращения в агентурно-следственной работе» руководство «Смерша» Западно-Сибирского ВО в 1944 г. несколько раз ставило перед В.С. Абакумовым вопрос об увольнении Иванова, но безрезультатно. С 1947 г. тот работал главой КРО УМГБ по Саратовской области, был награждён орденом Красной Звезды и получил звание полковника. В 1950—1952 гг. Иванов работал начальником отдела охраны МГБ ст. Львов. Позднее ему инкриминировалось участие

в избиениях 22-летней Телюк, обвинённой в связях с ОУН, из-за чего девушка после двух суток допроса выбросилась с третьего этажа и получила тяжёлые травмы **41**.

Помимо Б.П.Обручникова покровителем Иванова был также заместитель МГБ СССР С.И. Огольцов. Лишь в октябре 1952 г. Иванова уволили из МГБ, а в августе 1953 г. исключили из партии за нарушения законности. Он — один из немногих чекистов, кто серьёзно расплатился в хрущёвские годы за преступления периода ежовщины. 10 октября 1955 г. Иванова арестовали, а в апреле 1958 г. военный трибунал СибВО по ст. 58–7 (вредительство) УК РСФСР осудил его на 10 лет лагерей. Трибунал изучил 42 сфабрикованных Ивановым в годы «Большого террора» дела, по которым было выявлено 1 226 незаконно арестованных, в т. ч. 1.110 — расстреляно **42**.

Традиция отправлять провинившихся чекистов на фронт действовала до самого конца войны. Замначальника Серовского горотдела УНКВД по Свердловской области Т.И. Коробицын в августе 1939 г. был исключён из ВКП (б), а затем за нарушения законности осуждён на 10 лет лагерей. Освободили его только в 1944 г. и отправили на фронт, где Коробицын успел получить орден Красной Звезды. На 1945 г. этот чекист подвизался на службе в «Смерше» **43**. Начальник КРО УНКВД-УНКГБ по Камчатской области В.Ф. Луговской в 1941—1943 гг. незаконно арестовал 9 чел., которые провели под стражей от четырёх месяцев до двух лет. За нарушения законности 21 апреля 1944 г. военным трибуналом войск НКВД Камчатской области Луговской был осуждён на 5 лет ИТЛ с заменой на отправку в штрафную роту. Оперуполномоченный Ойротского облотдела НКГБ Алтайского края С.И. Шуюнов за избиения арестованных с целью вымогательства ложных показаний в феврале 1945 г. был осуждён на 3 года ИТЛ с заменой на отправку в действующую армию **44**.

Участие чекистов в войне — до сих пор секретная и двусмысленная тема в истории советской политической полиции, своеобразная ширма, за которую по сей день прячутся как сами работники госбезопасности, так и ведомственные историки. Роль НКВД-НКГБ и «Смерша» в годы войны до сих пор усиленно поднимается ими на щит и мифологизируется. Действительная же картина событий очень далека от навязчивой ведомственной героизации.

К внушительным официальным цифрам немецких потерь, которыми обосновывались многочисленные награды судоплатовцев, необходимо подходить с осторожностью. Как отмечают новейшие исследователи, партизаны зачастую беззастенчиво, многократно, завывали свои успехи **45**. Без изучения германских архивов невозможно достоверно установить, сколько же действительно ими было уничтожено живой силы и техники врага.

Войсковыми особыми отделами, а затем контрразведкой «Смерш» руководили кадровые офицеры госбезопасности, в большинстве своём получившие закалку в 1930-е годы. Большинство чекистов-контрразведчиков исправно охотились не столько за шпионами и диверсантами, сколько за «врагами народа» по обе стороны фронта. Для солдат и офицеров не было секретом, что у работников особых отделов и «смершевцев» имеются свои планы по количеству разоблачённых врагов, а главный качественный параметр в чекистской работе — это раскрытие «контрреволюционных шпионских организаций». Хорошо было известно и то, что жаловаться на чекистов фактически некому и некуда.

Так, особисты Северного флота в 1943—1945 гг. арестовали 35 агентов противника, 100 дезертиров (с 1942 г.), а также 517 чел., замеченных в антисоветской агитации и пропаганде (в 1941—1945 гг.). Эти данные наглядно свидетельствуют, против кого в первую очередь направлялся карательный удар военных чекистов — в первую очередь они арестовывали тех, кто

критиковал власть и рассказывал анекдоты. Начальник Особого отдела наркомата ВМФ дивизионный комиссар А.И. Петров в мае 1942 г. был арестован за допущение избиений арестованных и «искусственное заведение дел об антисоветских организациях». Наказание ему дали мягкое — три года заключения. На передовой особисты также не гнушались фабрикацией шпионских дел: в январе 1942 г. из 23-го Краснознамённого погранполка войск НКВД охраны тыла Южного фронта были направлены материалы предварительного следствия на 21 «немецкого шпиона». Все «шпионы» затем отказались от показаний, заявив, что в полку их избивали либо уговаривали признаться, обещая сразу освободить **46**.

На счету всех особистов-орденоносцев было огромное количество явно сфабрикованных дел. Так, под руководством начальника особого отдела НКВД 6-й армии И.А. Игнатова за июль-октябрь 1942 г. было арестовано 1 017 чел., в т. ч. 167 шпионов, 234 изменника, 212 дезертиров, 18 террористов. Следователь особого отдела 378-й стр. дивизии, действовавшей на Волховском фронте, П.Я. Будкеев за 1942 г. «вскрыл 12 контрреволюционных изменнических групп» и ряд антисоветчиков. Начальник Невской опергруппы Д.Д. Кононенко за август-октябрь 1942 г. разоблачил 118 чел.: 8 шпионов, 12 изменников, двух террористов и 96 «прочих» контрреволюционеров. В январе-октябре 1942 г. особым отделом 269-й стр. дивизии во главе с Я.Д. Костиковым было арестовано 196 чел., из которых 34 осуждены к расстрелу «за шпионскую и предательскую деятельность» **47**.

Лишь некоторые из подобных активистов разоблачались. Для расследования порядков в особом отделе 7-й отдельной армии потребовалось письмо командарма генерал-майора А.Н. Крутикова, который весной 1943 г. написал Сталину о том, что все обвинения в шпионско-диверсионной деятельности со стороны работников особого отдела армии лишены доказательной базы и построены на признаниях обвиняемых. Курировавший расследование А.С. Щербаков в докладной записке Сталину от 22 мая 1943 г. отверг эти «обобщения» командарма как неправильные, но признал, что проверка выявила случаи фабрикаций дел. Только в 4-м стрелковом корпусе за второе полугодие 1942 г. особисты арестовали за контрреволюционные преступления 215 чел., из которых 43 (20%) были освобождены. При этом один из руководящих особистов заявил, что ничего плохого в этих арестах и вызовах свидетелей нет, ибо «вызов красноармейцев в Особый отдел является своего рода политической работой». Обилие сомнительных приговоров приводило к массовой замене смертной казни на заключение и отправку в штрафные роты при утверждении приговоров военных трибуналов командирами соединений, военным советом армии и военной коллегией Верховного суда СССР. За 1942 г. и январь-май 1943 г. из 1 529 приговоров к расстрелу в 577 случаях (37%) смертная казнь была заменена лишением свободы **48**.

Проверка Щербаковым носила ограниченный характер и сосредоточилась на преступлениях со стороны следователя особого отдела И.А. Ильинена (техника-интенданта 1-го ранга, награждённого осенью 1942 г. за разоблачение финских шпионов Пушкарёва, Полякова, Карнышева, Лялина, Пышного, Николаева и др. медалью «За боевые заслуги») и заместителя начальника особого отдела капитана госбезопасности Б.С. Керзона, в январе 1943 г. удостоенного ордена Красной Звезды за вскрытие ряда контрреволюционных террористических и повстанческих группировок. За фабрикацию ряда расстрельных дел с помощью камерных агентов из числа осуждённых к ВМН Ильинен и Керзон приказом Сталина были осуждены на 5 лет лагерей, следователи Ф.И. Седогин, Изотов и Соловьёв отправлены в штрафные части. Их начальники и коллеги, вряд ли более щепетильные, не пострадали.

Что касается изучения судеб досрочно освободившихся активных участников «Большого террора», то оно находится в начальной стадии. Нет сведений, какая часть амнистированных погибла на фронте, искупив кровью хотя бы часть своих тяжких преступлений. Достоверно известно, что из всех чекистов, амнистированных в Западно-Сибирском регионе, погиб только бывший начальник ДТО УНКВД по Алтайскому краю И.Я. Шутилин, осуждённый в мае 1941 г. по одному делу с Г. Л. Биримбаумом, П.Р. Перминовым, А.Т. Степановым и И.Я. Юркиным **49**. Судя по обилию орденоносных чекистов, затем написавших мемуары о своих подвигах на войне (И.Ф. Золотарь, А.А. Лукин, И.Я. Юркин), скорее всего, не вернулась с полей сражений меньшая их часть. Также пока невозможно установить, какая часть амнистированных смогла возвратиться в органы госбезопасности и служить в офицерских чинах по прежней специальности.

Составители сборника документов «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР „Смерш“» весьма осторожно отметили, что деятельность некоторых амнистированных чекистов сопровождалась «использованием тех же методов, грубейшими нарушениями законности, гибелью невинных людей» **50**. Следует сказать определённой: вернувшись в привычную атмосферу террора и безнаказанности, амнистированные чекисты стремились получить снятие судимости, заслужить восстановление в партии, вернуть свои чины и награды, заработать новые отличия. В результате во фронтовой обстановке они с размахом проявляли именно те качества, которые сделали их героями террора 1930-х годов, а приобретённый ими опыт участия в массовых операциях «Большого террора» позволял успешно продвигаться в органах военной контрразведки, передавать традиции органов НКВД 1930-х гг. молодым армейским чекистам. Руководством НКВД-НКГБ от чекистов по-прежнему требовались раскрытие «контрреволюционных заговорщицких организаций» и беспощадность к «врагам народа». В ответ на эти установки на фронте широко применялись классические методы сталинских спецслужб: провокации, использование внутрикамерной агентуры, в т. ч. из лиц, приговорённых к расстрелу, обман, шантаж, запугивание, а также избиения и пытки.

Амнистия сотрудников органов госбезопасности, осуждённых в конце 1930 — первой половине 1940-х гг. и помилованных в период Великой Отечественной войны, являлась беспрецедентным в советской правовой практике актом, освободившим от уголовного наказания множество (возможно, основную часть) из числа самых активных участников «Большого террора». В этом случае как никогда ранее ярко проявилось превалирование политической целесообразности над юридическими нормами, предусматривавшими суровое наказание за совершение особо тяжких преступлений. Амнистированные чекисты использовались как рядовые-штрафники, служили в боевых и тыловых частях РККА, но значительная их часть смогла попасть в боевые и тыловые органы госбезопасности, проявив себя в области политического сыска, разведки и контрразведки. Основная часть осуждённых за преступления, совершённые в 1937—1938 гг. и позднее, в ходе боевых действий смогла получить фактическую реабилитацию, звания, награды и статус героев войны. Нельзя отрицать того, что часть амнистированных чекистов внесла свою лепту как в советские успехи на фронтах, так и в тайную диверсионно-разведывательную деятельность НКВД-НКГБ. Но известно и то, что за годы войны только органы НКГБ раскрыли около 5 тыс. «антисоветских контрреволюционных организаций» **51**. Очевидно, что амнистированные за нарушения законности чекисты сыграли в годы войны роль важного кадрового резерва органов госбезопасности и внесли серьёзный вклад как в репрессии 1941–1945 гг., так и последующих лет.

1. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 501.
2. См. Шишкин В.И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992; Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 155–167.
3. Характерна история с семью руководящими работниками ОГПУ Азербайджанской ССР, арестованными в 1929 г. за незаконный расстрел рабочего, которые вскоре все оказались на руководящей работе в ГУЛАГе. Сотрудник Сиблага ОГПУ Л. Н. Померанцев за ряд тяжких служебных преступлений в 1930 г. был приговорён к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей, но в местах заключения быстро вернул себе статус оперативного работника и, отбыв менее половины срока, оказался на свободе. См.: Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 160; Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М., 2008. С. 97, 499; ГАНУ. Ф. 1027. Оп. 3. Д. 171. Л. 44, 249 (сведения д.и.н. С.А. Папкова).
4. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995. С. 188; РГАСПИ. Ф. 17. Резбланк партбилета А.Т. Степанова N 1890251 и персональное дело N 17–18085 (сведения К.В. Скоркина).
5. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 864. Л. 9; Д. 828. Л. 133. Д. 1008. Л. 47.
6. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно С. 188; Сталинские расстрельные списки. М., 2002; Отдел спецдокументации управления архивным делом Алтайского края (далее ОСД УА-ДАК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-10040. Л. 73.
7. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 563.
8. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД С. 285; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 980. Л. 125.
9. Шаповал Ю.І. Україна в добу «великого терору»: етапи, особливості, наслідки // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. N 1. С. 99.
10. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 456. Л. 15; Золотарьов В.А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та доли (1919–1941). Харків, 2003. С. 247–248; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД С. 462–463.
11. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 224; Золотарьов В.А. Олександр Успенський: особа, час, оточення. Харків, 2004. С. 307; Александров А., Томилов В. Два ленских расстрела // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1996, 28 мая.
12. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1392. Л. 177; Д. 1091. Л. 142.
13. ГАЗК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 934. Л. 72; Ф. П-3. Оп. 1. Д. 80. Л. 59; Д. 135. Л. 115; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 937. Л. 126; Д. 1038. Л. 44.
14. Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004. С. 269; АУФСБ по НСО. Д. П-3590. Т. 4. Л. 27, 50; Д. П-5931. Л. 167–178; Д. П-8437. Т. 3. Л. 351.
15. Советская Сибирь. 1939, 21–24 февр.; АУФСБ по НСО. Д. П-3480. Т. 2. Л. 320; Д. П-4421. Т. 5. Л. 420–424; Д. П-4436. Т. 2. Л. 263, 264.
16. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1488. Л. 111; Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области С. 269.
17. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 862. Л. 204; Д. 1106. Л. 16.
18. Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Т. 2. М., 1998. С. 434; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 496. Л. 154, 157–159.
19. Быстролётов Д.А. Путешествие на край ночи. М., 1996; Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 67; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 467. Л. 238–245.
20. За сценарієм ДПУ (Кримінальна справа «Українська революційно-демократична спілка»).

- Документи і матеріали. Упорядник Т.Ф. Григор'єва. Київ, 2004 (указано В.А. Золотар'євим).
21. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 31. Л. 31, 42.
 22. АУФСБ по НСО. Д. П-872. Т. 1. Л. 86; Д. П-12265. Л. 77–83; Д. П-17900. Л. 288; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 125. Л. 85–86; Ф. П-460. Оп. 1. Д. 2. Л. 65; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 505. Л. 65 — 65 об.
 23. Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936—1946 // *Минув-шее. Исторический альманах*. Вып. 21. М.: СПб., 1997. С. 250, 257, 269, 283; Он же. Управление НКВД по Новосибирской области С. 262; ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1093. Л. 11; АУФСБ по НСО. Д. П-4510. Л. 20, 72; Д. П-8139. Л. 281, 300–305; Д. П-17512. Л. 2, 107; Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. Новосибирск, 2002. С. 22.
 24. ГАНО. Ф. 1027. Оп. 8. Д. 31. Л. 89; Ф. П-4. Оп. 34. Д. 51. Л. 69–70.
 25. Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С. 249, 281; Берлинтейгер Б.И. Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания. Кемерово, 1997. С. 69, 70; Павлов С.М. Кузбасская Голгофа. Кемерово, 2008. С. 213–214.
 26. АУФСБ по НСО. Д. П-7520. Т. 2. Л. 196; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 810. Л. 2.
 27. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно С. 64, 99, 185, 188–190; ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-10787. Л. 163; Бударин М.Е. Чекисты. Омск, 1987. С. 267–269; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 4. Барнаул, 2002. С. 18–19; Савин А.И. (сост.) Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920—1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2004. С. 410.
 28. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 786. Л. 33–33 об.; Д. 927. Л. 1, 28; Семиряга М.И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970. С. 56; Detlef Brandes, Andrej Savin, *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938*. Essen, 2001. S. 397, 400, 405, 460; ОСДУАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-4564. Т. 7. Л. 25 об.; Д. П-19440. Л. 77.
 29. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 943. Л. 1, 26.
 30. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1645. Л. 29; Д. 2238. Л. 19–20; Д. 3486. Л. 15.
 31. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 923. Л. 141; Д. 943. Л. 26.
 32. Там же. Д. 917. Л. 3, 31.
 33. Сведения А.Н. Жукова (Москва); РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 226. Л. 125.
 34. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1085. Л. 59; Д. 1163. Л. 77; Из бездны небытия. Книга памяти репрессированных калужан. А-Д. Калуга, 1994.
 35. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 873. Л. 28.
 36. ГАРФ. Картотека МВД (сведения К.В. Скоркина); ГАКК. Ф. Р-2056. Оп. 1. Д. 7, 8, 11, 15, 46, 83, 95, 97, 108, 121, 141, 169 (сведения Красноярского отделения общества «Мемориал»).
 37. АУФСБ по НСО. Д. П-4436. Т. 2. Л. 278–279; *Расправа: Прокурорские судьбы*. М., 1990.
 38. Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области С. 261, 265, 266, 289; Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы). М., 1995. С. 216–217; *Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей*. Т. 5. Томск, 1999. С. 176–178.
 39. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1678. Л. 430.
 40. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 338. Л. 154 // <http://podvignaroda.mil.ru/>
 41. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 214. Л. 143–150.
 42. АУФСБ по НСО. Д. П-2853. Т. 1. Л. 141; Д. П-8440. Л. 189–200; *Призвание — Родине служить!* Новосибирск, 1997. С. 40 (Иванов обозначен как «И.»).
 43. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1085. Л. 59; Д. 1163. Л. 77.
 44. Там же. Д. 1177. Л. 30; ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 13. Л. 128–129.
 45. Боярский В.И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей. Минск: М., 2001. С. 149.

46. *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Кн. 2. М., 2000. С. 135; Абрамов В. Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего Рейха. М., 2005. С. 535.*
47. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 20. Л. 128; Оп. 682526. Д. 131. Л. 81; Оп. 682525. Д. 20. Л. 322 об.; Оп. 682524. Д. 132. Л. 454 // <http://podvignaroda.mil.ru/>
48. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш» С. 377, 382, 384.
49. ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-5485. Т. 1. Л. 36–41. Т. 2. Л. 21 об., 46, 69, 119; Д. П-5607. Т. 6. Л. 23; Д. П-11776. Т. 1. Л. 260.
50. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш» С. 563, 382.
51. Там же. С. 575.

Опубликовано в «Клио. Журнал для учёных. 2012. № 7 (67). С. 69–76».